
УДК 82.0 (470.6)

ББК 83.3 (235.7)

С 79

Степанова Т.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: Artem.stepanoff@gmail.com

**Фольклорные элементы художественной структуры
дилогии Р.Гамзатова «Мой Дагестан»
в контексте интеллектуальной прозы Северного Кавказа
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются фольклорные элементы интеллектуальной прозы Северного Кавказа в контексте этно-ментального мировидения, анализируется структура и поэтика дилогии Р.Гамзатова как части его философско-эстетической системы. Автор приходит к выводу о продуктивности фольклора для интеллектуальной прозы писателя.

Ключевые слова:

Фольклор, эпос и лирика, образ и понятие, факт и вымысел, поэзия и проза, национальные особенности культуры, образы мира, лирико-публицистический сюжет.

Stepanova T.M.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, Adyge State University, e-mail: Artem.stepanoff@gmail.com

**Folklore elements of art structure in two related books
by R. Gamzatov “My Daghestan” in a context
of intellectual prose of the North Caucasus**

Abstract:

Leading tendencies of development of intellectual prose of the North Caucasus are examined on the basis of works by E. Kapiev and R. Gamzatov. The question is considered in a context of ethno-mental outlook. The structure and poetics of the two books by R. Gamzatov are analyzed as a part of his philosophical-aesthetic system. The author comes to a conclusion about novelty of the person's concept in intellectual prose of the writer.

Keywords:

The epos and lyrics, an image and concept, the fact and fiction, poetry and prose, national features of culture, images of the world, a lyric-publicistic plot.

Литература Северного Кавказа при всей ее самобытности и неповторимости (и, возможно, именно поэтому) является неотъемлемой и органической частью мирового литературно-художественного процесса. Общие и частные вопросы вза-

имодействия мировой, русской и северокавказских литератур неоднократно рассматривались в работах Н.Надъярных, К.Султанова, А.Чагина, Л. Бекизовой, А.Схалыхо, Л.П.Егоровой, Е.Шибинской, К. Шаззо, У.Панеша, А.А. Ворожбитовой

и других исследователей, однако немалое количество историко-литературного материала еще ждет своего осмысления.

Под интеллектуальной прозой принято понимать достаточно разнородные явления, в частности, некоторые относят к ней прозу Д.Джойса и В. Набокова, И.Бродского и А. Битова. Однако мы относим к ней, прежде всего то, что, упрощенно говоря, не является беллетристикой, вымышленной прозой, то есть литературу *non fiction*. **Художественная публицистика**, эссеистика и документалистика исследовались многократно в самых различных аспектах. Но поэтика документально-публицистического, «интеллектуального» текста в контексте фольклора – явление еще практически непознанное. Постигание художественного мира писателя на материале его публицистического творчества сопряжено с необходимостью определения или уточнения многих теоретических категорий и понятий.

Развитие лирической документалистики и публицистики (так называемых внеродовых форм литературного творчества) в литературах Северного Кавказа не принадлежит к числу магистральных направлений литературного процесса. Это объясняется целым рядом как объективных, так и субъективных причин. «Удельный вес» документалистики и публицистики не столь высок и в любой другой национальной литературе, будь то французская, английская, немецкая либо русская литература. *Автобиографии и мемуары, дневники и письма, очерки и эссе* находятся на пересечении образа и понятия, следовательно, на некоей *периферии* того большого и многогранного явления, которое обозначается словом *литература*. Для произведений упомянутых жанров, как нами неоднократно отмечалось, характерно наличие *открытой авторской позиции*, что сближает документалистику и публицистику с полярным, на первый взгляд, явлением – *лирическим* способом отражения действительности.

Для литератур же Северного Кавказа и их генезиса по целому ряду причин это явление совершенно уникальное, скорее исключение, чем правило. Коротко остановимся на характеристике некоторых из этих причин. До XX века абсолютное большинство северо-кавказских литератур существовало в фольклорной форме, которая, во-первых, предполагает преобладание коллективного начала над индивидуальным (непременным признаком ряда документально-художественных форм), во-вторых, фантастического вымысла над документальной конкретикой. Другим важным фактором, не способствовавшим развитию документально-художественного творчества, являлось наличие исламской цивилизации, для которой абсолютно всеобъемлющими считались священные тексты Корана, строгое соблюдение адатов, одним из которых был полный запрет на графическое и вербальное изображение человека. Эта традиция распространялась и на литературное творчество, в котором не было принято раскрывать внутренний мир отдельной личности, явления и процессы биографического, автобиографического, лирического плана.

В советский же период определяющими тематику и стилистику литературного творчества здесь становятся иные, достаточно чужеродные факторы. До середины 1950-х годов весь литературный процесс на Северном Кавказе оказывается насильственно «втиснутым» в рамки официального, художественного (точнее, псевдохудожественного) метода – идеологически регламентированного реализма, не допускавшего ни малейшего плюрализма в области стиля, жанра, мотивов творчества. Основным, рекомендованным свыше, жанром прозы становится так называемый «колхозный роман». Второй, наиболее распространенной в тот период и более привлекательной во многих отношениях, оказывается условно-романтическая повесть

экзотически-этнографического плана, несколько идеализирующая в легендарно-поэтическом духе прошлое народа.

В этих условиях крупнейшим северокавказским авторам, тем не менее, удается относительно объективно анализировать взаимоотношения личности и истории, используя национальный опыт, хотя во многом и нивелированный, сохранять национальный (народный) тип художественного восприятия мира. Естественно, что в этом ряду совершенно исключительным явлением оказывается проза иная – интеллектуально-документальная, лирико-исповедальная, эссеистическая. Уточним, что мы не включаем в свой обзор и анализ документально-художественной прозы Северного Кавказа такие ее разновидности, как, например, историко-революционные повествования, критико-биографические очерки и очерки других типов.

Тем не менее именно этого рода произведения северокавказских авторов позволили им войти в один ряд с аналогичными произведениями мирового уровня. Таковы, прежде всего, произведение дагестанских писателей: книга лакца - Эфенди Капиева «Поэт» (1940), оказавшая по сей день камертоном художественных поисков дагестанских писателей, необычная по стилистике проза аварца Расула Гамзатова «Мой Дагестан» (1967-1970), многообразная в жанровом и стилевом отношении (миниатюры, притчи, лирическая, психологическая, иронично-гротесковая) проза даргинца Ахмедхана Абу-Бакара, лирико-автобиографическая проза аварки Фазу Алиевой «Родники рождаются в горах» (1971), ее трилогия «Роса выпадает на каждую травинку».

Между тем, именно народный поэт Дагестана лакец Абуталиб Гафуров (1882-1975), ставший известным всесоюзному (и мировому) читателю благодаря книге Р.Гамзатова «Мой Дагестан» как один из центральных ее персонажей и воспринимавшийся многими как полубогатый Гомер либо Эзоп XX века, в частности,

ввел в дагестанскую литературу новый жанр – поэтическую прозу, насыщенную афоризмами, народным юмором. Ему принадлежит автобиографический цикл «Рассказы о моей жизни», изданный посмертно под названием «Рассказы старика» (Махачкала, 1980), а также вышедшая в центральном издательстве книга «Абуталиб сказал» (М. 1977).

Синтезом литературной критики, художественной публицистики, эссеистики и фольклорного мировидения стали книги кабардинца Алима Кешокова «Вид с белой горы» (1974), размышления и эссе «Так растет и дерево» (1975) балкарца Кайсына Кулиева, карачаевки Халимат Байрамуковой... Все названные произведения единичны, эксклюзивны, их появление, на первый взгляд, абсолютно спонтанно. Казалось бы, здесь невозможно говорить о какой-то закономерности или тенденции развития. Возможно, именно поэтому все эти произведения, в общем-то не обойденные вниманием критики, не стали пока объектом серьезного теоретико- и историко- литературного исследования.

Особенно уникальна книга Э. Капиева, написанная в разгар тоталитарной эпохи и давшая, с одной стороны, обобщенный образ народного Поэта, с другой стороны, вполне конкретный и документальный образ того же человека, лезгина Сулеймана Стальского, на фоне нового уклада жизни. В этой книге есть второй, не менее *главный* герой – автобиографический персонаж, автор, повествователь, активный участник диалога с Поэтом, наблюдатель и летописец последних лет его жизни. Книга Э. Капиева «Поэт» и книга Гамзатова «Мой Дагестан» обнаруживают генетическое родство. Хотя, судя по заглавиям, в этих текстах заключены разнонаправленные векторы, определены разного характера ориентиры и смысловые доминанты: в одном случае вектор направлен на *личность поэта*, в другом – на *образ родины*. На самом деле обе обо-

значенные нами доминанты в их многообразных проявлениях четко присутствуют в обеих книгах, дополняя друг друга, подтверждая мысль И. Гете о том, что для понимания поэта необходимо побывать на его родине. Появление последующих из упомянутых книг – явление более закономерное. На волне «оттепели», в хорошем смысле раскрепостившей многое и многих, вполне естественно появление книг «о родине и о себе», достоверных, искренних и непосредственных, свободных от необходимости «прятаться» за ширму условно-реалистического мнимого жизнеподобия.

Постичь особенности каждого народа трудно, а постигнув, суметь выразить. Г.Гачев пишет о том, что к познанию себя каждый народ относится так же, как и человек. [1: 18]. Г.Гачев считает, что это — действительно неустранимый «диалектический сюжет» в исследовании национальных особенностей. На этом пути он предлагает три, по крайней мере, «лекарства». Во-первых, конечно, исходная позиция равенства: не в том смысле, что все похоже и одинаковы, но что равно ценны именно своей непохожестью и друг для друга, и как инструменты мирового оркестра Культуры — каждый незаменим в своей роли и качестве. Во-вторых, как можно более тщательное проникновение во все стороны быта и культуры народа, детальное изучение. В-третьих, как можно более широкий охват разных народов. Ширина тут равна глубине. «Ибо сколько бы я ни изучал национальные особенности одной, русской, например, культуры, — пока я не привел их в сопоставление с национальными особенностями культуры другого народа: французского, киргизского или болгарского и проч., — ни одно мое утверждение не имеет достоверности. Сравнительно-сопоставительный метод обязателен» [1: 19].

Книга Расула Гамзатова «Мой Дагестан» была написана в 1967 году. Вышедшая вскоре на русском языке в переводе

В.Солоухина, книга поразила всесоюзного читателя свежестью и новизной, философской глубиной и обаянием умной непосредственности, острой современностью и дыханием вечности, гармоничным сочетанием национального и общечеловеческого. Книга вызвала немало откликов в литературной периодике, ее не могли обойти своим вниманием в дальнейшем все исследователи творчества писателя, да и многонациональной отечественной литературы, создававшейся еще в русле *оттепели*. Однако внимание это было вначале чисто эмоциональным, затем — довольно формальным, беглым, поверхностным, но не аналитическим, далеко не соответствующим масштабу и уровню самой книги.

Четыре с лишним десятилетия этот текст существует в культурном пространстве не только Дагестана, Северного Кавказа, но и всей полиэтнической России. Крайне важно выяснение в подобных книгах соотношения между эмоциональным и рациональным, исповедальностью и документалистикой. Жанр книги Расула Гамзатова критики, чаще всего, не слишком задумываясь, определяют как «лирическая повесть». Это определение не только не точно, а попросту неверно. Повесть — это эпический жанр литературы, обладающий вымышленным сюжетом и персонажами, а книга Р. Гамзатова обладает отмеченным выше синтезом, присущим жанру эссе. О *жанре* своей книги точнее и полнее всего написал сам автор в одноименной главе.

Расул Гамзатов — человек и поэт с редкостной, умной и тонкой наблюдательностью, с удивительно талантливой системой художественного и интеллектуального мышления. Ум его — особого, острого и глубокого, парадоксального и иронического склада. На всем лежит печать личности автора. Искренне восхищаясь одними людьми, он имел критическое, ироническое — порой добродушное, порой довольно ядовитое — отношение к другим. Он отлично понимал и оценивал

масштаб людей, о которых писал. Такой может быть интеллектуальная проза, написанная лишь интеллигентом хотя бы во втором поколении, каковым и был Расул, сын народного поэта Дагестана Гамзата из аула Цада. Одновременно автор должен быть укоренен в своем этносе.

Расул Гамзатов – рассказчик и собеседник умный, проницательный, заинтересованный, часто ироничный, насмешливый, исключительно, блистательно и тонко остроумный. Художественный мир его интеллектуальной прозы этнически ярк, многоцветен, многоголос. Проанализировать эту остроту ума и художественного зрения поэта сложно, но, специально отметим, не менее сложно передать в переводе оригинала на русский язык. Подчеркнем, что переводчик этого текста В.Солоухин обладал уникальным и, можно сказать, изощренным чутьем к чужому стилю, что позволило переводчику блестяще разрешать свои непростые творческие задачи. Любовь и горячий интерес В.Солоухина к иной культуре, открытость к диалогу культур, помогали ему достигать своего рода перевоплощения. Поэт сам как бы становился Расулом Гамзатовым, пишущим по-русски, он стремился заразить своей любовью многих, и это ему прекрасно удавалось.

Создается впечатление, что «Мой Дагестан» писался неторопливо и свободно, как бы от случая к случаю. На самом деле книга обладает стройной и сложной структурой. Книга Расула Гамзатова написана смело и прямо, просто и необычно, замысловато и прихотливо, с юмором и патетикой, с неисчерпаемой любовью к людям. Неизбывный интерес к литературе, книге, народной и профессиональной культуре – есть выражение его любви к жизни. Книга Р.Гамзатова называется «Мой Дагестан». Дагестан – это главная тема книги. Но в этом названии ударение нужно поставить на первое слово – «мой». Образ Дагестана – родины, страны – дается не отвлеченно, не объективиро-

ванно, а конкретно, индивидуально, через очень личное, лирическое восприятие автора. Эта книга – одновременно и рассказ о времени – со всеми его характерными особенностями – в поэтическом ощущении автора.

У этой книги интересная и достаточно сложная структура и история создания. Первоначально была написана первая часть как целостная, вполне завершенная книга под заглавием «Мой Дагестан». Спустя несколько лет – книга вторая. Обе книги могут рассматриваться скорее как отдельные произведения, образующие дилогию. Объем первой – 230, второй – 180 страниц. Каждая из книг начинается с предисловия. Но об этом – позже, а сейчас рассмотрим то, чем каждая завершается, поскольку это проливает некоторый свет на замысел и историю его воплощения. Первая часть завершается следующими словами: «...*На этом я, пожалуй, закончу. Начал я в теплое летнее время, а теперь уже зябкая осень. Начал я в горном ауле, а точку ставлю в большом многолюдном городе. Ранним утром вывел первую строку, а теперь близится полночь...*» [2: 220]. Эпически неспешная речь, медитативная интонация автора приглашают читателя-собеседника мысленно обозреть временные и пространственные ориентиры протяженной работы над книгой. И тут же автор создает иносказательную параллель, уподобляя себя страннику, а творческий процесс – дороге, что до него делали многие поэты и мыслители: « - *Я возвращаюсь из далекого странствия... Теперь лучше всего расседлать коня и похлопать по шее, отпустить на широкую поляну.*

А сам я, пожалуй, достану сигарету и закурю... Не каждая дорога оканчивается счастливо. Не каждая книга выходит удачной. На новом рассвете начну новую книгу, соберусь – и в новый путь». Мифологема пути сопровождает поэта как в лирике, так и в прозе. Доверительный разговор с читателем заканчивается

признанием: «А пока что я устал с пути. Я заворачиваюсь в бурку и ложусь спать» и обыденным пожеланием: «Спокойной ночи, добрые люди!» Однако разговор был бы не полным, если бы автор не завершил его более многозначительными, многозначными словами: «С миром начал, с миром и кончил» и магической формулой: «Вассалам, вакалам, аминь!» [2: 221]. Финал первой книги остается открытым. С одной стороны, ее «финиш» закреплен священными словами, с другой стороны, чуть раньше высказано намерение «на рассвете» начать новую книгу. Очертания этой книги еще не ясны (ср. у Пушкина: «И даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал»). Вторая часть заканчивается так: «Книга эта писалась в разных местах: и в ауле Цада, и в Москве, и в Махачкале, и в Дилижане, и во многих других городах. Когда начал писать, не помню, закончил 25 сентября 1970 года» [2: 312].

В каждой из этих книг – своя тема, свой лирико-публицистический сюжет, свое непростое строение. В связи с этим можно вспомнить, что слово «текст» в переводе с греческого обозначает «ткань». Действительно, особенно первая книга представляет собой очень прихотливое, замысловатое сплетение разных смысловых и словесных элементов. Она состоит из следующих частей: - Вместо предисловия. О предисловиях вообще. - О том, как зародилась эта книга и о том, как она писалась. - О смысле этой книги и о ее названии. - О форме этой книги. Как ее писать. - Язык. - Тема. - Жанр. - Стиль. - Здание этой книги. Сюжет. - Талант. - Работа. - Правда. - Мужество.

Может показаться странным, что в детально разработанном «Содержании» книги, названной «Мой Дагестан», даже не упоминается этот топоним, а главным «персонажем» книги оказывается сама книга, ее «биография», ее судьба. Это книга об искусстве и художнике, его месте в мире. Однако это не противоречит замыслу

поэта. Для него и родина - Дагестан, и свое собственное творчество - книга о Дагестане – понятия очень близкие, почти равновеликие. Потому что все творчество поэта, а особенно его главная книга – все порождено родной почвой, ее природой, историей, культурой, ее людьми.

Вторая книга цикла как бы восполняет недостающие звенья цепи - в ней речь идет больше о родине и народе. Эта книга как бы наверстывает упущенное в первом томе, ее архитектоника менее стройна и соразмерна, чем в первой части. Это заметно уже исходя из содержательной структуры второй книги, отраженной в поэтике названий ее глав: - Отец и мать. Огонь и вода. - Дом. - Три сокровища Дагестана. - Человек. - Народ. - Слово. - Песня. - Книга. В названия глав вынесены ключевые слова, выражающие, по сути дела, основу любого национального менталитета, то есть, скорее, общечеловеческий компонент. Однако наполнение этих ключевых понятий носит характер сугубо национальный. Обе книги по своей форме фрагментарны, многие из фрагментов, (особенно в первой части) имеют свои названия, которые часто повторяются, создавая особую ритмическую организацию, рефрен прозаического текста.

Как отмечалось выше, в произведениях документально-художественного, публицистического характера наличествуют «внеродовые» формы литературы (очерк, эссе, элементы «потока сознания»). Все это есть в творчестве писателя, хорошо ориентирующегося в традиционных жанровых формах поэтического эпоса и стихотворной лирики. Фрагментарность – это один из внешних признаков литературы «потока сознания». Однако у Расула Гамзатова это хорошо организованный, отрегулированный и направленный поток. Однако «нетрадиционные», внеродовые формы творчества писателей Северного Кавказа занимают в нем особое место, давая симбиоз художественного и публицистического начал, точ-

нее, создавая произведения нового, еще не вполне опознанного и осмысленного литературоведением качества. В эссе мы наблюдаем интеграцию литературных и внелитературных, «прикладных» форм письменной речи.

Проведенные наблюдения над характером заглавий материалов, составляющих «Мой Дагестан», дополнительно подтверждают семантику слова цикл. При всей диффузности, синтетичности, структурной взаимопереходности этих материалов есть основания большинство из них распределить по меньшей мере по нескольким «номинациям», в каждой из которых преобладающей является та или иная смысловая и жанрово-структурная доминанта.

Итак, в документально-публицистической книге «Мой Дагестан», рассматривая его в плане **оси синхронии**, можно выделить следующие жанрово-тематические группы *микротекстов*, в обозначении которых в ряде случаев мы испытываем потребность выйти за пределы традиционной терминологии, не претендуя на создание новых терминов, а лишь пытаясь обозначить некоторые, еще не всегда закрепленные терминологией явления. Здесь можно выделить, по крайней мере, две основные группы - по способу и форме их бытования, передачи и фиксации.

Первая форма – это фольклорный микрожанр *надписи*, традиционный для аварской этнокультуры и, по видимому, достаточно архаичный, поскольку еще задолго до 1917 года у аварцев существовала письменность на арабской основе – «аджам». В этом жанре фиксировалась народная афористика, оттачивалось совершенство краткой, мудрой, остроумной формы речи. Перечислим основные функциональные типы *надписей* в книге «Мой Дагестан»: *надпись* на дверях, *надпись* на колыбели, *надпись* на колоколе, *надпись* на кувшине, *надпись* на кубачинском изделии, *надпись* на камне, *надпись* на лампаде. Отдельные фрагменты книги

имеют свои многократно повторяемые начальные словесные формулы, например: «*Аварцы говорят*», «*И все же*»; «*Или бывает так; а также...*»; «*Один... сказал*».

Кроме этого, в структуру книги включены такие жанры устной прозы, как *воспоминание*, *притча* (о чем-либо). В заглавии каждой притчи содержится информация о ее содержании: «О тропе моего отца», «О балхарце и о его кляче», «О двух горцах, ходивших в лес»; «О глухой невесте»; «О птичке, пожелавшей сравниться с орлом»; «О третьей жене»; «О горце, приехавшем в Махачкалу»; «О поэте и золотой рыбке»; «О балхарских гончарах, об их горшках и о негодных покупателях». Но в текстах заглавий – далеко не только информация, но и субъективное отношение автора к предмету притчи, его оценка этого предмета, зачастую остроумная, юмористическая, ироничная. «День, проведенный с Абуталибом...», «Новая квартира Абуталиба...». Здесь пересказ и блистательная имитация его речи, неповторимой манеры острить, наблюдать, думать создают образ цельного и мудрого, наивного и непосредственного горца Абуталиба Гафурова в постиндустриальном мире. Сюжеты и персонажи мифов, других фольклорных жанров соседствуют с реально жившими людьми – персонажами истории, культуры, повседневной, обыденной жизни. Ведь, как считают А.А.Фокин и И.Ю.Малыгина, «концептный анализ произведения позволяет выходить за пределы только языкового наполнения той или иной сферы жизнедеятельности человека и народа: политической, научной, социальной, философской, религиозной, духовной, эстетической» [3: 29].

Выделенные нами жанрово-тематические группы микротекстов книги Р. Гамзатова, вполне возможно, отражают не абсолютно все компоненты и дефиниции его этнически окрашенной лирико-документально-публицистической прозы.

Само деление на типологические группы, почти каждое произведение относительно их обозначение местами условно. Кроме малой формы последовательно соединяет в себе ряд фрагментов разной жанровой природы, как неоднократно указывалось нами, например мемуарный очерк, очерк в его документально-публицистическом очерк путешествия, эссе, аналитическая статья, наследии практически нет «чистых» жанровых форм, строго отвечающих конкретному жанровому канону. Больше того, легенда, притча, анекдот и так далее.

Примечания:

1. Гачев Г.Г. Национальные образы мира. М., 1981. 387 с.
2. Гамзатов Р.Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М., 1969. 390 с.
3. Фокин А.А., Малыгина И.Ю. Антропологические подходы к изучению литературы Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 1. С. 28-33.

References:

1. Gachev G.G. National images of the world. M., 1981. 387 pp.
2. Gamzatov R.G. Collected works: in 3 vol. V. 3. M., 1969. 390 pp.
3. Fokin A.A., Malygina I.Yu. The anthropological approaches to the study of the literature of the North Caucasus // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2011. Issue 1. P. 28-33.